

**Закон о языках народов РФ
и языки малочисленных народов**

(андо-цезский ареал)

Алексеев М.Е.

В статье отмечаются серьезные недостатки в процессе обучения, особенно на его начальных этапах, у бесписьменных народов в связи с тем, что овладение чтением и письмом происходит без опоры на родной язык. Для включения бесписьменных языков в процесс обучения также имеются все предварительные условия, в частности устойчивая традиция научной транскрипции, в основу которой положен современный аварский алфавит, для передачи фонологической системы андо-цезских языков.

Ключевые слова: аварский язык, андийские языки, цезские языки, письменность, буквари

This paper focuses on the problem of introducing writing systems for the Ando-Tsez group of languages in Dagestan. These languages do not have their own orthographies, which leads to substantial difficulties in language study (especially at the elementary level) because reading and writing are taught in a language other than the students' mother tongue. Nevertheless, all the conditions for including these languages in formal education have been met, such as the use of the modern Avar alphabet for producing scholarly transcriptions of these languages in a way adapted to the phonologies of the Ando-Tsez languages.

Key words: Avar, Andi-Tsez languages, writing systems, primers

В Российской Федерации до последнего времени не прекращалась работа по созданию письменностей для бесписьменных

прежде языков. Особенно показательны примеры, отражающие результаты этой работы, которые относятся к 90-м годам прошлого века. Например, в Дагестане были изданы буквари агульского [Мазанаев и др. 1992], рутульского [Джамалов, Маамыдова 1992] и цахурского [Ибрагимов, Исаев 1992] языков. В то же время на лингвистической карте России еще остаются «белые пятна».

К сожалению, приходится констатировать, что для отдельных языков создание письменности утратило свою целесообразность, как, например, для алеутского, так как «в настоящее время единственное место компактного проживания алеутов на территории России — с. Никольское на о. Беринга. Алеутская часть поселка составляет всего чуть более 280 чел., в то время как общая численность населения — ок. 1560 чел. До конца 60-х гг. 43 % алеутов жили на о. Медный в с. Преображенское. Село было закрыто местными властями в ходе кампании “ликвидации неперспективных деревень” в 1969 г., и все население было вынуждено переехать в с. Никольское на о. Беринга. В настоящее время в Никольском еще сохраняются два алеутских диалекта — беринговский и медновский, на которых говорят не более 12–15 чел. из людей старшего поколения. Родным языком всех остальных алеутов является русский. Некоторые алеуты в возрасте 45–50 лет могут понимать обращенную к ним речь, знают отдельные фразы, однако во всех случаях предпочитают пользоваться русским языком, на котором свободно говорит все алеутское население. Алеутский язык используется для общения от случая к случаю только представителями самого старшего поколения» [Головко 2002: 25].

В отличие от алеутского языка, для многих языков РФ создание письменности является важным фактором выживания. В эту группу входят, в частности, дагестанские языки андо-цезского ареала¹: цезский, бежтинский,

---

¹ Авари-андо-цезская группа нахско-дагестанских языков.

хваршинский, гунзибский, гинухский, андийский, ботлихский, годоберинский, каратинский, ахвахский, багвалинский, тиндинский, чамалинский, а также арчинский, относящийся к лезгинской группе. Особенностью данного ареала является то, что в обычной для российской национальной школы дихотомии «родной язык — русский язык» место родного языка занимает аварский. Конечно, изучение второго языка (кроме русского) в отдельных регионах нашей страны представляется целесообразным и исторически закономерным в силу той интегрирующей и консолидирующей роли, которую играют более крупные народности в этих регионах, и, соответственно, в силу достаточно широкого распространения их языков среди относительно малочисленных этносов, не ослабевающего даже в условиях массового национально-русского двуязычия. Вместе с тем право каждого народа на собственную письменность и родной язык обучения ныне закреплено уже законодательно, ибо ст. 10 п. 4, главы II Закона РФ «О языках народов РФ» гласит: «Каждый народ России, не имеющий своей письменности, обладает правом создавать письменность на родном языке. Государство обеспечивает для этого необходимые условия». Эта норма перекликается с требованием Европейской хартии «b) i) обеспечивать доступность начального образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или ii) обеспечить доступность существенной части начального образования на соответствующих региональных языках или языках меньшинств; или iii) обеспечивать в рамках начального образования преподавание соответствующих региональных языков или языков меньшинств в качестве составной части учебной программы; или iv) применять одну из мер, предусмотренных в предыдущих пунктах i-iii, по крайней мере к тем ученикам, чьи семьи просят об этом и количество которых считается достаточным для этого» (часть 3 ст. 8).

По-видимому, в этих формулировках нашло отражение понимание той важной роли, которую играет письменность в сохранении и стабилизации языка, а в связи с этим актуальность приобретает начальное образование, касающееся, в основном, обучения грамоте. Любой язык, независимо от границ его функционирования и количества говорящих, является продуктом мировой культуры. С сохранением языка в качестве живого, служащего одним из определяющих признаков культурно-исторической общности людей средства коммуникации, не может сравниться никакая научная фиксация, какой бы степенью полноты и точности она ни обладала.

Данная проблема имеет и другой аспект, касающийся целесообразности и возможности включения бесписьменных языков в процесс школьного обучения. Дело в том, что современная школа, особенно национальная, постепенно освобождается от десятилетиями навязывавшейся ей миссии «воспитывать подрастающее поколение в духе коммунизма и пролетарского интернационализма». Для того чтобы не быть тотчас же заклеянным в проявлении буржуазного национализма, в ту эпоху интерес к родному языку и культуре у преподавателей и учеников не мог выходить за жестко очерченные партийными идеологами рамки. В наши дни современная школа в гораздо большей степени, нежели прежде, становится способной решать задачи содействия сохранению культурно-исторических традиций народов, их трансляции от поколения к поколению.

Если рассматривать с этой точки зрения языки андо-цезского ареала, то можно заметить, что аварский язык во многом обеспечивает отмеченные выше функции для андийских и цезских народностей в силу единства бытовых, фольклорных и иных традиций у народов аваро-андо-цезской группы, что, на первый взгляд, снимает проблему родного языка в школьном образовании. Между тем не менее важным является методический аспект взаимодействия родного языка и языка

обучения, который до настоящего времени ускользал из поля зрения языковедов и методистов и возникал лишь постольку, поскольку это касалось совершенствования преподавания русского языка.

Нетрудно, однако, уже сейчас сделать определенные выводы о серьезных недостатках в процессе обучения, особенно на его начальных этапах, у бесписьменных народов в связи с тем, что овладение чтением и письмом происходит без опоры на родной язык. Великий российский кавказовед П.К. Услар писал: «Никто не будет спорить, что первоначальные предметы изучения легко усваиваются на природных языках, с другой стороны, всякая здравая мысль, переданная на родном языке, всегда тверже врежется в ум и глубже упадет в сердце и перенесенная молодым горцем со школьной скамьи в семью, делается доступной многим. Нельзя также сомневаться, что горец, передавая окружающим на родном языке познания, почерпнутые им в школе, внушит к себе глубокое уважение в народе» [Услар 1863: 70]. К сожалению, эти идеи в приложении к андо-цезским и некоторым другим народам оказались забытыми. Это привело к тому, что в школьном обучении здесь отмечается целый ряд нежелательных особенностей.

Во-первых, дети андо-цезской группы воспринимают аварскую (и тем более русскую) речь в достаточно специфических ситуациях, поскольку повседневное общение в семье и со сверстниками осуществляется на родном языке, как правило, единственном известном дошкольнику. Конечно, практически стопроцентное знание аварского языка взрослыми несколько смягчает подобное противоречие, допуская общение взрослых с детьми на аварском хотя бы в учебных целях. Однако не снимает его полностью: опыт общения на аварском языке не подкрепляется речевой практикой за пределами учебного процесса.

Во-вторых, обучение чтению и письму на практически незнакомом языке лишает учащегося возможности при

овладении письменной формой речи опираться на слуховой образ, а при овладении ее устной формой — на зрительный. Тем самым нарушается координация между этими двумя видами речевой деятельности. Например, картинка в букваре с изображением горы (ав. *mezlep*), орла (ав. *цум*) и камня (ав. *гамачI*) предполагает создание ассоциативной связи с буквой *м*. Для арчинского ребенка такая ассоциация может возникнуть лишь в связи с названием горы (арч. *мул*), а для годоберинского школьника такие ассоциации вообще будут отсутствовать (ср. год. *бел* ‘гора’, *цунийи* ‘орел’, *анча* ‘камень’).

В-третьих, бесписьменный язык не имеет более или менее развитой номенклатуры лингвистических понятий, которые могли бы способствовать систематизации языковых навыков и умений и, соответственно, более осмысленному усвоению аварского и русского языков.

Трудности, с которыми сталкиваются учащиеся с бесписьменным родным языком на первых этапах обучения, естественно, не ограничиваются перечисленными выше², хотя, на наш взгляд, уже из данного перечня становится очевидной необходимость включения бесписьменных языков в процесс обучения, тем более что для этого имеются все предварительные условия.

Прежде всего следует отметить, что в дагестановедении сложилась достаточно устойчивая традиция научной транскрипции, в основу которой положен современный аварский алфавит, для передачи фонологической системы андо-цезских языков. Близость фонологии аварского и андо-цезских языков способствует также стихийному использованию носителями бесписьменных языков аварской графики для письма на родном языке, обычно в частной переписке. Конечно, здесь потребуются решение отдельных вопросов, например,

---

² На материале рутульского языка эти проблемы достаточно подробно освещены К.Э. Джамаловым [1981: 54–59].

в связи с изображением назализованных, встречающихся как в андийских, так и в цезских языках, или же фарингализованных, отмеченных в цезских и арчинском. Дело в том, что используемые в научной транскрипции диакритические знаки не всегда приемлемы для употребления в практической орфографии: по нашим наблюдениям, например, надстрочная черта для обозначения долготы достаточно часто опускается, особенно при беглом письме.

Принимая решение о включении бесписьменных языков в процесс обучения, следует, конечно, учитывать несовершенство выбранных за основу графических систем, однако альтернативные варианты не представляются более целесообразными. Так, переход от кириллицы к латинице или к арабскому алфавиту (что для многих связывается с исламским возрождением) будут обозначать очередной разрыв в образовательной традиции, в то время как именно трансляция духовных ценностей должна составлять базис современной национальной школы. Кроме того, фонологически адекватных систем письма для дагестанских языков на арабской графической основе по существу так и не было создано, а бытовавшие в свое время «аджамские» системы допускали массу разночтений, так что возобновление этой традиции привело бы к необходимости практически заново разрабатывать систему письма.

Кроме того, в последние годы изданы достаточно объемные словари практически всех языков рассматриваемого региона, что намного усиливает позиции бесписьменных языков. В свое время юридическим препятствием введению письменностей на рассматриваемых языках можно было бы считать отнесение соответствующих этносов к аварцам, что было снято результатами переписи 2002 г., согласно которым в Дагестане проживает, например, 23000 носителей андийского языка, 5740 носителей ахвахского языка, более 15000 носителей цезского языка и т. п. Результаты переписи других этносов не дают достоверных данных, что обусловле-

но рядом причин [Алексеев 1995]. Однако уже приведенные сведения могут служить основанием для принятия решений по созданию письменности.

С одной стороны, некоторые факты показывают готовность андо-цезских народов к включению родных языков в процесс обучения:

1) в 1993 г. в Москве был издан экспериментальный букварь цезского языка [Алексеев 1993]. Учителя Цунтинского района использовали его в начальной школе с успехом, о чем говорит его переиздание в Дагестане через десять лет [Алексеев и др. 2003];

2) на цезском же языке изданы фольклорные материалы, которые могут служить хорошим материалом для чтения;

3) на бежтинском языке изданы переводы некоторых книг Библии: Ев. от Луки [1999] и Книга Притч Соломоновых [2005], пользующиеся популярностью в народе;

4) андийские материалы неоднократно появлялись в андийской газете, перевод Ев. от Луки находится в печати.

С другой стороны, важно не «перегнуть палку» в этом вопросе, а вводить ныне бесписьменные языки в процесс обучения постепенно, по мере готовности соответствующих условий (учителя, учебники, литература для чтения и т. п.). Это значит, что применение соответствующих законов должно учитывать не только формальную, но и содержательную сторону той ситуации, которую мы наблюдаем в регионе.

Литература

Алексеев М.Е. Алипби. Букварь цезского языка. Москва, 1993.

Алексеев М.Е. Факторы этноязыковой идентификации (на материале андо-цезских языков) // Этническое и языковое самосознание. М-лы конф. М., 13–15 дек. 1995. Москва, 1995.

Алексеев М.Е., Раджабов Р.Н., Абдуллаев А.К. Букварь цезского языка. Махачкала–Москва, 2003.

Абдуллаев А.К., Абдуллаев И.К. Дидойский (цезский) фольклор. Лейпциг–Махачкала, 2010.

Головкин Е.В. Алеутский язык // Языки народов России: Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник [Исправленное и дополненное издание]. Под ред. *В.П. Нерознак*. Москва, 2002.

Джамалов К.Э. Особенности двуязычия у учащихся с бесписьменным родным языком // Становление и развитие двуязычия в нерусских школах. Ленинград, 1981. С. 54–59.

Джамалов К.Э., Маамыдова С.М. Алифба I-классад китаб. МагьаIджкьала, 1992.

Ибрагимов Г.Х., Исаев Н.Г. Алифба. Махачкала, 1992.

Мазанаев И.А., Гасанова С.Н., Мазанаев Ш.А. Букварь. I-пе классин учебник. Махачкала, 1992.

Рохеллис Хабар (Евангелие от Луки на бежтинском языке). Перевод *М. Халилова*. Москва, 1999.

Сулайбан авараглис анкьлова (Книга притчей Соломоновых на бежтинском языке). Перевод *М. Халилова*. Москва, 2005.

Услар П.К. Нечто об азбуках кавказских горцев // Кавказ. 1863, № 20. С. 70.

Алексеев Михаил Егорович
Институт языкознания РАН
mealexeev@mail.ru